

Евгений Маляр

Церковное дело

Детективная история начала XX века

16+

Евгений Маляр

**Церковное дело. Детективная
история начала XX века**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Маляр Е. А.

Церковное дело. Детективная история начала XX века /
Е. А. Маляр — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Третья часть детективной серии, начатой повестями «Гибель «Венеции» и «Матабели в Одессе». Действие происходит на фоне полыхающей Гражданской войны в небольшом волжском городе Волгске. Убит священник, разграблен храм. Власть переходит из рук в руки, а главному герою удается в сложной обстановке, пройдя меж двух огней, разоблачить преступника. Ордынцева судьба опять сводит с его давней знакомой, теперь командующей карательным полком.

Евгений Маляр

Церковное дело

Детективная история начала XX века

Список действующих лиц:

Ордынцев Николай Арэфьевич – бывший надворный советник, а ныне просто обыватель, мужчина сорока лет;

Ордынцева Роза Марковна – его супруга, мать и домохозяйка;

Иван – их сын, ему четырнадцать лет;

Бурцев Родион Матвееч – бывший городской, нынче тоже простой обыватель;

Анастасия, она же Настя Триандафилова, она же товарищ Нарыжная – командир 32-го особого полка;

Блехман Давид Моисеевич – комиссар 32-го особого полка;

Товарищ Лацис – командир части особого назначения, входящей в 32-й особый полк, латышский стрелок;

Захудалов Павел Васильевич – начальник чрезвычайной комиссии по городу Волгску;

Володька Быков – веселый выпивоха лет под шестьдесят, с хорошей памятью;

Петр Константинович Юшкевич – штабс-капитан, командир артиллерийской части [Народной армии Хвалынского](#) района;

Анисим, фамилия неведома – бывший крестьянин села Терса Волгского уезда. Волею судьбы стал предводителем крестьянского войска;

Отец Павел – настоятель церкви Вознесения Господня;

Сергей Васильевич Осташкин – дьяк того же храма;

Отец Никанор – настоятель Троицкого собора;

Анна Ивановна – двоюродная сестра тети Груши, бывшей квартирной хозяйки Ордынцева, к тому же дальняя родственница Бурцева;

Прохор Фетисов – бывший писарь и пропойца, временно исполнявший обязанности заместителя начальника Волгского ЧК;

Александр Копытин – заместитель начальника Волгского ЧК. Некоторое время своих обязанностей не выполнял. Причины уважительные;

Матвей Сидоров – начальник уездного отдела народного просвещения;

Прошка – юридивый, живет на городском кладбище. Человек гостеприимный;

Прочие жители уездного города Волгска по состоянию на 1918 год, а также: латышские стрелки, китайские наемники, немцы из колонии Мюнихдорф, крестьяне села Терса, члены партактива, бойцы Красной гвардии из 32-го особого полка, солдаты и офицеры [Народной армии Хвалынского](#) района, и еще Бог знает, кто мог попасть в нижеизложенную историю, произошедшую в то беспокойное, смутное время.

За достоверность всех описанных событий автор не может наверняка поручиться, но заверяет читателя, что имел благое намерение изложить все как можно правдивее.

I

22 июля 1918 года. Беглецы в лесу. Артиллерийская батарея

Ох, и дует этот ветер! Четыре дня уже гудит ураган над шиханами. Люди попрятались по домам, а он носит листья и обрывки большевистских листовок по пустынным улицам, свистит в трубах и вжимает стекла так, что они трещат.

Июль, а стало вдруг холодно. Подполковник Махин идет на город от Хвалынского. Дела у красных скверные. Чехи первыми подняли восстание против большевиков, запылало Поволжье.

В Волгске разгромлен исполком, убиты председатель исполкома Совета и ревкома Михаил Михайлович Струин, стрелки латышского полка Вилис Лутер, Скудрит, Карл Петерсон, один из организаторов латышского полка в Саратове заместитель председателя ГубЧК латыш Карл Карлович Блукис, заместитель председателя губревтрибунала Гикель Давидович Хацкелевич, председатель ГубЧК Григорий Петрович Петров.

В город введен тридцать второй особый полк красных, но где уж карателям против настоящих военных. Небольшие силы у подполковника, да воюют профессионально.

В гору поднимались четверо: двое мужчин лет сорока, женщина того же возраста примерно, и юноша. Все одеты в крестьянскую одежду, лишь хорошая, городская обувь выдавала, что не крестьяне они, да и лица были городскими, а если поглядеть поближе, то становилось ясно, что руки их не знали тяжелого труда.

Там, на горе – лес. В лесу – как бы фронт, здесь – те, а там – эти. Но какой там фронт, – сейчас вовсе не поймешь, где он проходит. Вроде бы ничто уж не мешает [Народной армии Хвалынского](#) района занять город, но нет уверенности в успехе, поскольку точных сведений о количестве обороняющихся и их боевых порядках разведка еще не доложила, а набум подполковник Махин действовать не обучен в Академии генерального штаба, которую закончил в 1913 году.

Утро было туманным, выпала густая роса. Далеко в заволжских степях красноватым пламенем занимался рассвет. Четверо людей угрюмо поднимались гуськом по крутой тропинке, ведущей в лес. Они миновали деревянные хлева, заросли лопуха, лазоревые цветы на высоких стеблях, и вышли на опушку. Отсюда открывался красивый вид на реку, немного правее громоздились заводские корпуса, красные горы медного колчедана, железнодорожная насыпь, на которой дремал паровоз, «кукушка», как его звали заводчане. Завод «Ассерин» тоже дремал, он даже скорее беспробудно спал уже несколько месяцев.

– Теперь маленько осталось, ваше благородие, вот полянку эту проскочим... – это был Бурцев, городской, он тоже переделся в крестьянскую косоворотку.

– Стой! Стрелять буду! – окликнул их невидимый в рассветном тумане часовой.

– Не стреляйте, братцы! Свои мы! – Бурцев остановился и поднял руки. То же сделали и его спутники.

– Какие такие свои? Кто такие? – из-за колючих кустов боярышника, осторожно пригибаясь, вышел солдат. Беглецы с облегчением отметили, что он при погонах, а на картузе его поблескивает кокарда с радужным овалом.

– Да свои, свои, еле ноги унесли от большевизии, – Бурцев для убедительности перекрестился правой рукой, левую продолжая воздевать к небу.

– А ну, идите вперед, – скомандовал солдат, – но чтоб не шалить мне, а то я живо... – он качнул штыком, показывая, куда идти пленникам.

Было понятно, что в зарослях затаился кто-то еще, держа четверых путников под прицелом на фоне рассветного неба.

Все вышли на просеку, солдат шел сзади, держа винтовку наперевес. Через полсотни сажений стала видна замаскированная артиллерийская батарея, состоящая из пяти пушек, – короткие жерла их высоко подняты и нацелены на восток, в сторону Волги. Возле орудий, под присмотром унтеров, хлопотали солдаты. На раскладном походном столике развернута карта, над которой с карандашом и линейкой, поглядывая на компас, колдовал штабс-капитан.

– Ваше благородие! Задержаны четверо, говорят, что от коммунии бегут, кто – непонятно, – начал солдат.

– Так! А не большевички ли к нам пожаловали? – негромко поинтересовался штабс-капитан, подняв правую бровь, и разглядывая своих вынужденных, равно как и незваных гостей.

– Виноват, не могу знать, ваше благородие! – браво рявкнул солдат. Было видно, что несколько виноватым он себя не чувствует, а напротив, горд успешно выполненной задачей. Задержал и привел, а кто такие, – на то разбираться есть чины постарше. Наше дело – прокукаркать, а там, хоть не рассветай!

– Ладно, Федченко, ступай обратно на пост, там Нефедов один, ему, небось, скучно. Кругом! Шагом марш! – весело скомандовал офицер, – а вы, господа и дамы, представьтесь мне, будьте так любезны. Я – штабс-капитан Юшкевич!

– Надворный советник Ордынцев, Николай Арефьевич, супруга моя Розалия Марковна, сын Иван и мой бывший подчиненный, городской Бурцев.

– Есть ли какие бумаги, подтверждающие ваши личности? – строго спросил офицер.

– Есть наши паспорта, а другие бумаги, по понятным причинам уничтожены, господин штабс-капитан, – отвечивал Ордынцев.

– Вы из Волгска? – продолжал допрос Юшкевич.

– Да, разумеется.

– А ну-ка, Кузьмин, позови сюда Быкова, сейчас выясним, что за Ордынцев! – дал офицер распоряжение одному из двух, взявших под охрану пленников, солдату, – и мигом!

Кузьмин вернулся через минуты две-три в компании не с кем иным, как тем самым Быковым, известным нам по делу пятнадцатилетней давности. Теперь, право, Володькой его называть было бы неловко, он постарел, и Николай его не сразу узнал, но, зато сам был опознан в тот же миг.

– Так это же господин Ордынцев, сам-с! Господин штабс-капитан, это же наша Волгская знаменитость-с! Это же тот самый Ордынцев Николай Арефьевич, что прославился и наш город прославил, причем дважды-с! Детектив-с! В газетах писали! – Быков говорил оживленно, было понятно, что ему приятно быть в гуще событий, хотя пока еще неясно каких.

– Ну что ж, господин Ордынцев, я очень рад, что так все быстро и благоприятно выяснилось, и прошу извинения за столь неласковый прием у всех вас, а в особенности у дамы! – поручик кивком обозначил поклон, и попытался даже щелкнуть каблуками, что было непросто на толстом слое веками опадавших листьев.

– Располагайтесь и отдыхайте, – он указал на натянутый ближе к поляне небольшой шатер, обложенный зелеными ветками для маскировки, – Вас, Николай Арефьевич, я попросил бы соизволить прогуляться в компании со мной, недолго, если Вас не затруднит... – тон просьбы был хоть и мягок, но возражений не допускал. Впрочем, у Ордынцева был свой интерес к разговору со штабс-капитаном.

Пусть читатель не удивляется, что время от времени автор позволяет себе называть уважаемого чиновника, следователя со стажем, надворного советника Николая Арефьевича Ордынцева, видного и статного мужчину сорока лет Николаем или даже Колей. Дело в том, что он, Коля то есть, выглядит молодо и в сорок, он не располнел, как многие его сверстники, лицо его не покрылось сетью склеротических жилок от чрезмерного употребления алкоголя, и только лишь седина тронула его волосы. Так что будем считать допустимым называть такого молодого человека иногда запросто, по имени, тем более что сам он ничего против такой фамильярности не имеет.

– Итак, господин Ордынцев, еще раз прошу меня простить, вид вашей компании, поверьте мне, был довольно подозрителен: ну точь-в-точь, как у тех большевистских лазутчиков, что давеча поймали на подступах к нашей батарее. Представьте себе – в косоворотках, лаптях и пенсне! Быков их за волгчан не признал, зато запомнил, как они отлавливали чиновников в первые же дни захвата власти в городе большевиками.

– И что же эти, в пенсне? – поинтересовался Николай.

– А что? Ничего интересного рассказывать нипочем не хотели, – капитан закурил папиросу, – повесили первого, второго немножко мои казачки потоптали сапожками, так он все же заговорил. Правда или нет сказана была им, узнаем скоро, менее чем через час. Кстати, этого, второго, тоже повесили, рядом с первым, он заслужил...

Николай слегка поморщился, он так и не привык к жестокостям последних событий, охвативших Россию.

– У меня к Вам просьба, Николай Арефьевич, большая просьба... Расскажите мне, пожалуйста, что Вы видали в городе в последние дни, меня интересует, ву компрене, – сколько красных в городе, что они предпринимают, как вооружены... Да, называйте меня Петром Константиновичем, я понимаю, Вы же штатский.

– Да, Петр Константинович, я штатский, но чем-то помочь все же смогу, вероятно. Так, идемте к Вашей карте.

– Вот здесь, – Николай поставил крестик, – у переезда, возле нефтяной пристани стоит пушка, на больших железных колесах, с клепаным лафетом, зеленая, с коротким стволом. Подле нее обычно четыре-пять латышей. Вот в этих домах квартирует до полусотни латышей, – жильцов не знаю куда дели, может, выгнали, а может...

– Перебили! Мне Быков рассказал, его они своим считают, сочувствующим, вот он и лазит там везде, а по ночам ко мне приходит, рассказывает. Но Вы продолжайте!

– Извольте. Здесь на подъеме, в этих трех домах – человек тридцать китайцев, наемников. А в городе, в казармах кадетского училища, большая часть их людей. Говорят, что там полк, но я не знаю, сколько там народу, не считал. Ходят патрули, по пять человек, – Ордынцев задумался, – больше сообщить мне особенно нечего.

– Штаб их где? – задал вопрос штабс-капитан.

– В купеческом особняке, доме Триандафилова, на Караванной. Там высокая ограда, сад, в общем, оборону держать можно. Внутри я, понятно, не был...

– А командует ими кто? – было ясно, что знает это штабс-капитан, но спросить лишний раз не повредит.

– Говорят, какая-то женщина, не знаю точно кто, – впервые за весь разговор что-то недосказал Николай.

– Ну ладно, спасибо. А теперь начнется кое-что интересное. Пойдемте, поглядим на Волгу, это красиво, утром особенно, – любезным тоном предложил офицер. Возражения опять были неуместны.

Они вышли почти на край обрыва. На ветке столетнего, не менее, дуба сидел солдат, и внимательно осматривал реку через бинокль. В утренней тишине послышалось пыхтение и шлепанье колес по воде. Вскоре обнаружился и источник звуков – буксир с длинной черной трубой, волокущий за собой две баржи. На его флагштоке трепыхался красный флажок.

– А не соврал комиссарчик, все по расписанию, как у хорошей судоходной компании. Буксир-то назывался просто «Юг», а теперь – переименовали его. Знаете, как теперь? «Борец за свободу товарищ Троцкий!» – офицер ухмыльнулся, – ну, ничего, фарватер здесь узкий, что справа, что слева – мель. Авось, правильно навели. Давай, Анисим, голубчик, сигнал!

Солдат-наблюдатель встал на ветке в полный рост, достал из брезентового чехла ярко-желтый флажок и взмахнул им. Там, в лесу, очевидно, заметили его жест – раздалась четкие команды, потом кто-то крикнул: «Огонь!»

Раздался громовой раскат, свист-рев, и через какие-то секунды рядом с буксиром поднялся в небо столб воды.

Потом еще, и еще, какие-то взмахи флажками, отзвуком из леса: «недолет полкабельтова», «перелет три четверти», «правее три!».

Потом произошло то, к чему стремились орудийные расчеты: одна из барж исчезла из виду, скрылась в брызгах, а когда они рассеялись, по Волге плыли какие-то бесформенные обломки, тела людей и барахтались выжившие, пытаясь доплыть до берега.

Буксир вертелся на месте, загребая одним колесом, им явно никто уже не управлял. Вторая баржа стала пятиться, уносимая течением. По ней тоже велся интенсивный огонь. Вскоре она получила повреждения, не такие разительные, как первая, но вполне достаточные, чтобы утратить плавучесть. С нее стали прыгать за борт люди, некоторые с винтовками, а другие, более практично мыслящие, налегке.

– Ну вот, Николай Арефьевич, теперь можно сказать, что мы не оконфузились, – штабс-капитан вновь закурил, предложив папиросу и Ордынцеву. Тот не отказался, пальцы у него дрожали. Он еще никогда не видел одновременной смерти такого количества людей, о чем и сообщил офицеру.

– А я прошел всю войну, случалось видеть и не такое, – отмахнулся белой перчаткой Юшкевич, – дело в том, что по полученным нами сведениям, большевики в Волгске ожидали серьезного подкрепления. Его-то Вы и видели несколько минут назад, на баржах. Сейчас оставшаяся часть краснопузых, спешивших на подмогу, плывет к берегу, надеясь все же выполнить данное им ревкомом задание. Но не тут-то было! Наш командир, господин подполковник Махин, Фёдор Евдокимович, знает свое дело. Вдоль берега две роты замаскировались с вечера, у них три «максима», ну и винтовки, ясное дело. Не доплывет до берега никто. А если и доплывет, то утопленникам позавидует.

– Я, Петр Константинович, не понаслышке знаю о зверствах большевиков, видел, как они терзали людей прямо на улицах, но, скажите мне, Вам все же нисколько не жаль этих убитых? Ведь не все они были убежденными негодяями? Может, кого насильно мобилизовали, а других обманули? – Ордынцев все еще пребывал под впечатлением увиденного расстрела, да и рассказ Юшкевича о двух повешенных не шел у него из головы. В ответ офицер угрюмо ухмыльнулся.

– Да жалко... Только я человек военный. Думаете, немцев мне не жалко было? А знаешь, что если ты не убьешь, то тебя потом они не пощадят. Вот Вы о зверствах вспомнили...

– Так ведь то – немцы! А тут – свои! – Ордынцев забыл, что собирался попросить Юшкевича о серьезном одолжении, и разгорячился не на шутку.

– Так чего же Вы от таких-то своих бежите? – штабс-капитан отбросил окурочек, – да еще и не один...

– Да правы Вы, наверное, но только больно... Петр Константинович, я хочу просить Вас об одолжении. Дело в том, что...

– Вы хотите уехать отсюда? Не мнитесь, господин Ордынцев, я Вас не осужу. Вы человек штатский, и...

– Да нет, господин штабс-капитан, я не за себя. Я, кстати, тоже человек государственный, служил в полиции. Мне бы семью вывезти, вот о чем я хотел просить Вас. На юге есть места, где они будут в безопасности. Я хочу, чтобы они уехали в Одессу, пока здесь не успокоится. А сам здесь останусь, у меня дела есть.

– Дела? Да тут такие дела сейчас начнутся! Да с вашим утонченным мировосприятием... – штабс-капитан пожал плечами.

А Николай задумался о делах.

II

10 июля 1918 года. Убийство в Вознесенской церкви

По городу разнеслась весть о страшном злодеянии. Одни, недовольные новыми порядками, приписывали его большевистской власти. Другие усматривали виновных в многочис-

ленных бандах и разбойниках-одиночках, злодействующих последнее смутное время по всему уезду. А сухие факты гласили: после вечерней службы в Вознесенской церкви был убит священник отец Павел. Похищена чудотворная икона, Лик святой Марфы с фрагментом мощей, могущая исцелять раны душевные и телесные.

В ризе, под стеклом, висело множество драгоценных подношений от страждущих, получивших утешение от святого лика. Оценивать материальную стоимость этих золотых предметов и драгоценных камней никому доселе не приходило на ум, но она была, очевидно, немалой.

Отец Павел был обнаружен дьяком Сергеем Васильевичем Осташкиным утром. Церковная утварь была разбросана и перевернута, образуя картину борьбы и сопротивления кощунственному святотатству.

Среди иных похищенных святынь был крест священника, медный с позолотой – видимо преступник или злодеи, если таковых было несколько, приняли его за золотой. Серебряная чаша для причастия и другие предметы, выглядевшие очень дорогими, на деле же таковыми не являлись.

Украдены были также и деньги, пожертвования прихожан, но их было немного. Рана на голове была причинена острым режущим или рубящим оружием. По ее характеру можно было сделать заключение: либо саблей, либо шашкой, возможно длинным австрийским штыком убили священника.

Горожане были взволнованы этим страшным событием. Люди плакали не таясь. «Не уберегли мы нашего отца духовного», – говорили прихожане церкви Вознесения, ходившие на службы, ведомые погибшим священником, и слушавшие его проповеди, в которых тот не скрывал своего неприязненного отношения к большевистской власти, вместе с тем призывая паству не к мечу, но к молитве, и оценивая наступившее богоборческое беззаконие как кару небесную за людские грехи.

III

8 июля 1918 года. Разгром в Терсе

Убийство произошло вскоре после разгрома продотряда, высланного из Саратова в Волгский уезд для проведения разверстки. Отряд этот действовал напористо и грубо, не оставляя крестьянам в заволжских степях и ближайших к городу деревнях ничего, чтобы пережить зиму, уводя из дворов скот и опустошая амбары подчистую.

Первые дней десять те пребывали в растерянности, бунт же начался после того, как в Терсе один из продотрядовцев, латыш, плохо говорящий по-русски, толкнул беременную крестьянку «со всей дури» (так потом описывал ситуацию ее муж, Анисим). Та упала, больно ударившись головой о ступеньку крыльца, а латыш и дружки его, в большинстве своем или деревенские голодранцы, собранные со всей губернии, или «нерусь» (тоже выражение Анисима), громко заржали, непристойно комментируя случившееся.

А когда на помощь жене поспешил муж, до того момента пытавшийся словами усовестить других продотрядовцев, то упомянутый латыш навел на него свой винтарь. Этого делать ему не следовало.

Вечером весь отряд бурно отмечал успешно выполненное задание, употребляя конфискованный у крестьян самогон, и закусывая его продуктами того же происхождения. Было их много, больше, чем всего населения деревни Терса Волгского уезда Саратовской губернии.

Анисим с парой приятелей смотались за Волгу в немецкую колонию Мюнихдорф, где у него водились знакомцы.

Выяснилось, что продотряд побывал и там, оставив после себя такую же мамаеву разруху. Кроме того, был зверски побит уважаемый в колонии старик, Клаус Штрам. В ночь после ухода красных он умер.

В вечерних сумерках колонисты, вооруженные кто вилами, кто охотничьими ружьями, кто обрезками, а кто и винтовками, на четырнадцати лодках переправились от Иргиза на правый берег, соединились с поджидавшими их крестьянами из Терсы, и, окружив бывшую помещичью усадьбу, в которой временно обосновался продотряд, начали атаку.

Нападения красные не ждали, и наступавшие без потерь перерезали большую их часть. Самых больших энтузиастов продрозверстки связали, допросили, а затем тоже казнили. Тела порубили, и скормили конфискованным свиньям, которые успели уже сильно проголодаться. Затем разобрали свое добро обратно по домам.

Анисим, собрав рать из добровольцев, объявил себя атаманом вольного волжского войска, и ушел в лес.

Весть о событиях в Терсе быстро дошла до уездного центра, где тоже происходили события ужасные. Сразу после установления в городе власти Советов, начался террор против всего населения города – на улицах отлавливали офицеров, жандармов, чиновников, и просто прилично одетых «господ», среди которых были инженеры, да и просто квалифицированные заводчане, рангом мастера цеха и выше.

Далее проводилось краткое «следствие», судилище, и выносился приговор «диктуемый революционной совестью». Как правило, революционная совесть диктовала немедленное и жестокое умерщвление попавшегося.

Случалось, что офицерам, преподавателям кадетского училища, гвоздями прибивали погоны к плечам. Жители города искали пропавших родных, и находили их обезображенные тела в уличной пыли.

Пошла черед тихих похорон, с отпеванием дома – священники не успевали отслужить одну скорбную службу, а их уже звали на другую. И тут – это убийство отца Павла.

IV

12 июля 1918 года. Восстание в Волгске

И вот, услышав про события в Терсе, горожане воспряли духом, и, засветло еще, собрались на центральной площади толпой человек под тысячу. Всей ватагой, заполняя улицы от края до края и сметая на своем пути большевистские патрули, вышли к исполкому Совета, в котором как раз собрались на заседание местные активисты вместе с приехавшими из Саратова Карлом Петерсоном, заместителем председателя ЧК Блукисом, заместителем председателя губревтрибунала Гикелем и председателем ГубЧК Петровым.

Перестрелка продолжалась примерно час, пока здание не подпалили, после чего вся оставшаяся в живых большевистская верхушка запросила пощады. Пощады не было.

Все это дело не могло оставаться без последствий, но три дня уезд пожил спокойно. Власти не было никакой. Многим даже показалось, что никакой и не надо вовсе.

V

12 июля 1918 года. Начало расследования

Все время смуты, а именно так Николай определял для себя этот жестокий период расправ над «бывшими», Ордынцев со своей семьей просидел в погребке двоюродной сестры тети Груши, Анны Ивановны. Это был небольшой домик на окраине заводского поселка акционерного общества «Ассерин».

Погребом он назывался оттого, что в полу этого строения был сделан люк, под которым вырыта яма, аршина два глубиной, и площадью три на три – там стояли кадки с солеными помидорами, груздями, и прочие запасы на зиму, которые держать в тепле не следует.

В яме, то есть собственно в погребке, было холодно, но в случае опасности какое-то время можно было перетерпеть, а обычно все втроем спали на соломе, ею был засыпан весь пол, она же служила прикрытием люку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.